

Книга двух известных русских лингвистов – Татьяны Вячеславовны Булыгиной и Алексея Дмитриевича Шмелева – посвящена исследованию категорий русской грамматики, семантики, прагматики и лексики с точки зрения их участия в языковой концептуализации мира (т.е. в его членении и осмыслении средствами языка). Можно выделить три основных сюжета, организующих повествование. Первый – это концептуализация действительности, составляющая онтологическую основу русской грамматики: вопрос о том, каковы те представления о внеязыковой действительности, которые входят в языковое значение, и в какой мере эти представления определяются свойствами действительности, а в какой – свойствами русского языка. Второй сюжет составляет реконструкция лингвоспецифического аспекта русской языковой картины мира средствами концептуального анализа, т.е. на основании анализа концептов, заключенных в значении определенных русских слов. Наконец, третий – это круг вопросов, связанных с употреблением (и, в особенности, злоупотреблением) языка для достижения тех или иных целей в ходе языковой коммуникации: эксплуатация постулатов речевого общения, приемы языковой демагогии, использование разных языковых средств и форм не по их прямому назначению. Здесь особенно чувствуется пристрастие авторов ко всякого рода каламбурам, аномалиям и парадоксам – ср. следующие названия глав: «Ментальные предикаты в аспекте аспектологии», «Вопрос о косвенных вопросах: является ли установленным фактом их связь с фактивностью», «Хоть знаю, да не верю», «Выражение под видом согласия», «Парадокс самофальсификации», «Парадоксы идентификации», «Парадоксы темпоральной ориентации», «Аномалии в речевой деятельности». Вообще надо сказать, что языковое манипулирование предстает в книге не только как объект, но и как метод исследования (причем блестяще примененный). Хотя названные выше проблемы принято относить к разным разделам науки о языке, все они безусловно тесно между собой связаны. Так, например, ясно ощущаемая носителем русского языка аномальность фраз типа *Выиграй поездку на Сафари!* обусловлена несовместимостью лексического значения глагола *выиграть* (включающего идею случайности) с формой

императива в рамках побудительного речевого акта, т.е. нарушением одновременно грамматической семантики и конвенций употребления (не говоря уже о несоответствии русской традиционной картине мира).

Однако, пожалуй, главное, что объединяет все семь частей книги, насчитывающей более пятисот страниц, – это умение авторов тайное сделать явным, это острота взглядов, тонкость и остроумие решений, блестящая эрудиция и безупречный вкус. Одним словом, мир языка в концептуализации Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева предстает необычайно увлекательным, а чтение книги таит в себе истинное наслаждение – как интеллектуальное, так и эстетическое.

Первая, самая большая часть книги (включающая семь глав) посвящена исследованию «онтологии явлений», т.е. языковой концептуализации тех фрагментов действительности и их свойств, которые обозначаются в языке глаголами и другими предикатными выражениями, и ее воплощению в скрытых (семантических) и явных (грамматических) категориях русского языка. К числу первых относится, например, категория контролируемости, которая наиболее ярко обнаруживается в конструкции с отрицательным императивом, так как здесь она определяет выбор глагольного вида. Так, мы говорим (употребляя совершенный вид) *Не простудись! Не поскользнься!*, чтобы предостеречь человека от чего-то, что с ним может случиться, но давая указания относительно того, как надо поступать, мы делаем это в несовершенном виде: *Не плюй в колодец, Не говори ему об этом*. Появление в этой конструкции совершенного вида автоматически переводит обсуждаемое действие в разряд неконтролируемых, а речевой акт – в категорию «предупреждений»: *Смотри не проговорись!*

Глагольный вид занимает также центральное положение среди грамматических категорий русского языка, опирающихся на онтологию явлений. Вообще надо сказать, что обнаружение связи русского вида с языковой категоризацией явлений, намеченное в работе Ю.С. Маслова 1948 г. и окончательно утвердившееся в 80-е годы в частности благодаря исследованиям Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, ознаменовало собой новый этап в русской аспектологии. В

двух словах, аспектологическая концепция, развиваемая авторами, сводится к следующему. Все явления, имеющие место в мире, делятся на статические (состояния) и динамические, которые подразделяются, далее, на процессы и события. Устройство русской аспектуальной системы таково, что глаголы сов. вида всегда обозначают события (*решил задачу, опоздал на лекцию; понял, как надо поступить*), а глаголы несов. вида могут обозначать все три типа явлений: состояния (*болеет*), процессы (*беседует с приятелем*), а также события – например, если они повторяются (*он быстро и легко решал все задачи, которые ему предлагали; он всегда опаздывает*) или если рассказ о прошлом ведется в настоящем времени (*он легко решает первую задачу и переходит ко второй; тут я внезапно понимаю, как надо поступить*). Всякий глагол несов. вида, который может обозначать событие, образует видовую пару – с глаголом сов. вида, обозначающим то же самое событие (например, *решать – решить, опаздывать – опоздать*); глаголы несов. вида, не имеющие событийного значения (например, *болеть, беседовать*) являются непарными. Видовая парность глагола в русском языке в значительной степени обусловлена характером концептуализации обозначаемого положения вещей. Так, состояние, описываемое русским глаголом *понимать*, предстает как наступившее в результате события *понять* (перехода из состояния непонимания в состояние понимания), а для *знать* концептуализация оказывается иной: состояние *знать* не предполагает предшествующего ему события *узнать*. Поэтому *знать* и *узнать* в русском языке не образуют видовой пары: нельзя, повествуя о прошлых событиях, сказать «и тут *знаем* мы всю правду про него». Таким же образом устанавливается, что *ловить* и *поймать* образуют видовую пару, а близкие к ним по значению *искать* и *найти* – нет. Действительно, *много раз ловил* может означать, что каждый раз поймал, а *много раз искал* никак не может означать, что каждый раз находил.

Концептуализация, производимая языком, лишь отчасти совпадает с тем, что имеет место «в действительности». В жизни ситуации, описываемые глаголами типа *знать, любить* или *иметь*, не являются неизменными; тем более не являются таковыми ситуации типа *быть красивым* или *быть молодым*. Между тем в языке и

те, и другие представлены как по своей природе изменению не подверженные и не ограниченные каким-либо периодом времени – в отличие от ситуаций типа *говорить* или *мечтать*. Поэтому можно *проговорить* и *промечтать* всю ночь, но фраза *Она пролюбила его всю жизнь* звучит по-русски сомнительно, а *Она пробыла красивой до самой старости* вообще нельзя сказать (хотя и то и другое легко можно себе представить).

Выявление концептуальных конфигураций, составляющих русскую языковую картину мира, на основании свидетельств русского лексикона проводится в седьмой и отчасти четвертой частях книги. Кроме того, отдельные образцы концептуального анализа можно обнаружить и в других местах (например, в главе 3 из части II «Концепт долга в поле должествования», в разделе «Попрек и русская культура поведения» из главы 3 части V).

Понятие языковой картины мира имеет давнюю историю. Оно восходит к В. фон Гумбольдту (*sprachliches Weltbild*), обсуждалось на протяжении всего XIX века, в XX веке связано с именами Л. Вайсгербера и Б. Уорфа, однако очередной всплеск интереса к этой проблеме произошел совсем недавно – в начале 90-х годов, и количество публикаций на эту тему все возрастает. Причем в самое последнее время произошел явный сдвиг интересов исследователей от проблем, связанных с отличием «наивной» картины мира, рисуемой языком, от «научной» [Апресян 1995; Урысон 1995; Яковлева 1994 и др.], к проблеме различия между картинами, отраженными в разных языках [Wierzbicka 1992; 1997; Арутюнова 1996; Зализняк, Левонтина 1996 и др.]. В главах, посвященных языковой картине мира (принадлежащих, по большей части А.Д. Шмелеву, который является также автором ряда других статей на эту тему – в частности [Шмелев 1998; Левонтина, Шмелев 1996]), содержится анализ значительного количества русских слов, заключающих в себе лингвоспецифические концепты, а также выявлены некоторые общие особенности русского языкового сознания и продемонстрирована их связь с некоторыми расхожими представлениями о «русской душе», а также с некоторыми заключениями философов и этнопсихологов.

К числу выявленных общих закономерностей относится вывод о том, что для русской языковой картины мира характерно противопоставление «возвышенного» и «приземленного», а также «внутреннего» и

«внешнего» одновременно с отчетливым предпочтением первого. Этот «асимметричный дуализм» коренится в особенностях русского православия, определивших черты русской культуры в целом – ср. [Лотман, Успенский 1994]. В русском языке многие понятия существуют как бы в двух ипостасях, соответствующих этим полюсам: *истина и правда, добро и благо, долг и обязанность*. При этом часто в западноевропейских языках для такой пары слов имеется лишь один эквивалент.

По своему составу анализируемая лексика весьма разнообразна. Поскольку языковая картина мира вообще в значительной степени антропоцентрична, все эти слова так или иначе связаны с человеком. Сюда входят такие фундаментальные категории, как *свобода и воля, долг и обязанность, правда и истина, судьба, мир, душа, дух*, а также *тело, плоть, кровь, сердце, голова, кости* и т.п. (интересно, что *тело* оказывается столь же характерным признаком человека, как *душа*), такие «специфически русские» слова как *тоска и удаль*. Рассматриваются также *плевки* как символические действия и *наплевать*ство как жизненная позиция. Существенная информация о языковой картине мира извлекается из «мелких» слов – таких как *авось, небось, а вдруг, заодно* и др.

Отдельный круг лексики составляют слова со значением времени и временной ориентации; в их употреблении также обнаруживаются парадоксальные моменты. Так, например, слово *вперед* может означать как «раньше», так и «позже» – как, например, в предложении *Выборы решено было перенести на две недели вперед*. (Возможность такой двоякой интерпретации обусловлена сосуществованием двух моделей времени – «архаичной» и «современной».) С другой стороны, почти синонимичные на первый взгляд выражения *бывшая жена и прежняя жена* оказываются отчетливо противопоставлены, например, в диалоге: *Я видел твою бывшую жену. – Какую «бывшую»? У меня прежняя жена*.

Некоторые из анализируемых в книге слов имеют за собой давнюю лингвистическую и философскую традицию, обнаружение других относится к числу заслуг авторов. Вообще данный раздел книги Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, наряду с недавно вышедшей книгой Ю.С. Степанова [Степанов 1997] является важным шагом на пути создания своего рода «энциклопедии

русской души» – словаря ключевых для русского языкового сознания концептов.

И, наконец, последний сюжет – прагматика и теория (а также практика) коммуникации – локализован, в основном, в третьей, пятой и шестой частях книги. Рассматривается вопрос о границах и содержании прагматики, излагаются общие и некоторые частные вопросы теории речевых актов, обсуждаются некоторые косвенные речевые акты (например, побуждение в форме вопроса), коммуникативные постулаты и случаи их нарушения. Подробно анализируется значение и функционирование в речевом акте некоторых глаголов речи, внутреннего состояния и именования – *обвинять, осуждать, упрекать, хвалить, ругать, знать, верить, называть* и другие.

В частности, оказывается, что высказывания, известные под названием «парадокса лжеца» (*Все утверждения ложны*), т.е. высказывания, содержащие самофальсификацию, используются в повседневной речи гораздо чаще, чем это может показаться – например, в знаменитой тютчевской строчке *Мысль изреченная есть ложь*, в известной французской поговорке *Jamais ne dis «jamais»* или в менее известном французском анекдоте о бельгийском пособии по культуре речи, где говорится *Ne disez pas «disez», disez «dites»*, а также во фразах типа *Не слушайся ничьих советов*, в так называемой «фигуре умолчания», для которой в русском языке имеется даже специальный оборот (*не говоря о...*) и т.д. Список увлекательных тем, обсуждаемых в книге, можно было бы продолжать еще долго. Однако перейдем к недостаткам, как того требуют законы жанра. По-видимому, к ним следует отнести принцип составления Указателя лексем: хотя сам факт наличия Указателя (включающего более тысячи единиц), а также качество его исполнения безусловно принадлежат к числу украшений книги, но для читателя, пожалуй, было бы удобней пользоваться отсылками не к разделам, а к страницам книги (как это обычно и делается в такого рода указателях). У внимательного читателя могут возникнуть также некоторые претензии к композиции книги, которые, впрочем, можно счесть неосновательными, если принять во внимание, что книга состоит в значительной степени из опубликованных в разное время законченных эссе.

- Апресян Ю.Д. 1995 – Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Ю.Д. Апресян. Избранные труды. Т. II. М., 1995.
- Арутюнова Н.Д. 1996 – Стиль Достоевского в рамках русской картины мира // Поэтика и стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. М., 1996.
- Зализняк Анна А., Левонтина И.Б. 1996 – Отражение национального характера в лексике русского языка (Размышления по поводу книги: A. Wierzbicka Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture-specific configurations. N.Y.; Oxford, 1992 // R.Ling. 1996. V. XX. № 2–3.
- Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. 1996 – Русское «заодно» как выражение жизненной позиции // РР. 1996. № 2.
- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. 1994 – Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Б.А. Успенский. Избранные труды. Т. I. М., 1994.
- Степанов Ю.С. 1997 – Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
- Урысон Е.В. 1995 – Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» // ВЯ. 1995. № 3.
- Шмелев А.Д. 1998 – Широта русской души // РР. 1998. № 1.
- Яковлева Е.С. 1994 – Фрагменты русской языковой картины мира. Модели пространства, времени и восприятия. М., 1994.
- Wierzbicka A. 1992 – Semantics, culture, and cognition. Universal human concepts in culture – specific configurations. N.Y.; Oxford, 1992.
- Wierzbicka A. 1997 – Understanding cultures through their key words. N.Y.; Oxford, 1997.

Анна А. Зализняк

Йожеф Крекич. Педагогическая грамматика русского глагола: Семантика и прагматика. Szeged, 1997. 215 с.

Такой ракурс лингвистических штудий, как "русский язык глазами зарубежных исследователей", представляется нам весьма актуальным, и, по всей видимости, он останется таковым и в отдаленном будущем и встретит поддержку и понимание как у языковедов широкого профиля, так и у русистов, и, очевидно, у тех, чья профессиональная деятельность связана с преподаванием русского языка – в качестве родного или иностранного.

Новая книга Й. Крекича – значительное и отрадное явление в современной венгерской русистике. Пафос и оригинальность авторского подхода "озвучены" уже в самом заглавии книги: это педагогическая грамматика – молодой пока что жанр научного творчества. Своеобразие его, на наш взгляд, состоит в том, что академическая наука не адаптируется для учебно-методического "сценария", но, сохраняя в неприкосновенности концептуальное ядро исследования и важную для пользователя информацию об основной проблематике в соответствующей научной области, предоставляет ему вместе с тем и широкие возможности ее практического применения.

Эта книга не теоретическое исследование и тем более не учебник в их обычном

понимании. Ее также вряд ли можно отнести к разряду учебных пособий – при том, что практическая нацеленность ее ощущается буквально на каждой странице. Лаконичность, точность, деловитость изложения, терпеливое и старательное разъяснение выдвигаемых положений с привлечением обильного иллюстративного материала обеспечивают относительную простоту и доступность содержания рецензируемой книги, формируют ее, так сказать, "педагогическое начало".

Книгу Й. Крекича можно скорее определить как своего рода справочные материалы по семантике и прагматике русского глагола, предназначенные в первую очередь для иностранцев, изучающих русский язык (венгров). Но, разумеется, она не будет лишней и для наших студентов, ибо в этих материалах отражены наиболее популярные точки зрения ученых и содержатся, как правило, глубокие и интересные авторские комментарии, эксплицирующие его позицию в соответствующих теоретических вопросах. Сверхзадача монографии Й. Крекича не исчерпывается ее справочно-информативным характером. Как указывает во Введении сам автор, она "написана именно для тех, кто интересуется вопросами семанти-